

М.: Энциклопедия»: ИД «ИНФРА-М», 2007. Т. 3. 480 с.

3. Нарочницкая Н. А. Россия и русские в мировой истории. М.: Междунар. отношения, 2003. С. 136.

4. Жуков Г.К. Воспоминания и размышления: в 3 т. 10-е изд. М.: Агентство печати «Новости», 1990. Т. 3. 384 с.

5. Каньшин А.Н. Духовные основы социального управления: дис. ... канд. фил. наук. М., 2000. 180 с.

6. Нарочницкая Н.А. Россия и русские в мировой истории. М.: Междунар. отношения, 2003. 536 с.

7. Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945: Краткая история / под ред. Б.С. Тельпуховского, Г.И. Булычевой, А.А. Бурляя. 3-е изд., испр. и доп. М.: Воениздат, 1984. 560 с.

8. Протокол № 89* записи допроса генерал-полковника Иодля Альфреда // Совершенно секретно! Только для командования! Стратегия фашистской Германии в войне против СССР. Документы и материалы: сб. док. / сост. В.И. Дашичев. М.: Наука, 1967. С. 629.

9. Ильин И. А. Возвращение. Минск, 2008. 408 с.

УДК 008 (517.3)

Феномен кочевого образа жизни в Монголии в XXI в.: структура и факторы

С.Г. Жамбалова

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН,
ул. Сахьяновой 6, Улан-Удэ, Республика Бурятия
zhambalovas@yandex.ru

Статья поступила 18.05.2017, принята 3.07.2017

В статье выявлены структура феномена кочевого образа жизни в Монголии XXI в., базирующегося на кочевом экстенсивном скотоводстве, и семь факторов (природно-климатический, демографический, экономический, зоологический, технологический, экологический, духовный), обеспечивающих его целостность и тождественность на большом диахроническом срезе, в том числе в условиях всеобщей глобализации.

Ключевые слова: Монголия; кочевой образ жизни; кочевое экстенсивное скотоводство; структура; факторы.

The phenomenon of the nomadic way of life in Mongolia in the 21st century: structure and factors

S.G. Zhambalova

Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS; 6, Sakhyanova St.,
Ulan-Ude, Russia
zhambalovas@yandex.ru

Received 18.05.2017, accepted 3.07.2017

The article deals with the structure of the phenomenon of the nomadic way of life in Mongolia in the 21st century based on nomadic extensive cattle breeding, and explains 7 factors (natural and climatic, demographic, economic, zoological, technological, ecological, spiritual) providing its integrity and identity on a large diachronic section including conditions of globalization.

Key words: Mongolia; nomadic way of life; nomadic extensive cattle breeding; structure; factors.

Введение

Статья посвящена изучению структуры кочевого образа жизни, а также факторов, позволяющих ему практиковаться в Монгольском государстве в XXI веке. Несмотря на высказанные в 1-й половине XX в. А.Дж. Тойнби предсказания о скором финале кочевого образа жизни [1], он бытует в Центральной Азии и представлен в наиболее аутентичном состоянии в Монголии. Более того, отчасти возрождаясь с конца XX в., он становится для некоторой части населения мира единственным источником существования. Это относится к посткоммунистическим странам, где перестройка привела к ломке экономики, сокращению рабочих мест и т. д.

В Монгольском государстве, одном из сегментов современного глобального мира, с одной стороны, наблюдаются активные процессы модернизации, а с другой, устойчиво сохраняется в аутентичном виде традиционный кочевой образ жизни, базирующийся на кочевом экстенсивном скотоводстве, что является для XXI в. довольно редким и необычным явлением, феноменом. Возникает ряд вопросов, исследование которых должно выявить специфику данного феномена. Для научного решения проблемы актуально его изучение, начиная с выявления структуры и факторов, обеспечивающих его целостность и тождественность на большом диахроническом срезе, в том числе в условиях всеобщей глобализации. В статье сделана попытка рассмотреть структуру и факторы феномена кочевого образа жизни в XXI в., позволяющие ему в полной мере сохранять свое место в постиндустриальном мире. Структура — это совокупность связей между частями объекта, обеспечивающая устойчивость хозяйственно-культурного типа кочевников-скотоводов аридной зоны Евразии; факторы — существенное обстоятельство, движущая сила, определяющая характер явления.

Цель статьи — на достоверной источниковой базе, с помощью структурного метода исследовать кочевой образ жизни кочевников-скотоводов аридных центральноазиатских степей как определенную систему, модель, обладающую механизмами сохранения его основных свойств при различных

эндогенных и экзогенных изменениях. Здесь мы придерживаемся методологии К. Леви-Стросса. Он писал: «Структурные исследования не представляли бы особого интереса, если структуры нельзя было преобразовать в модели, чьи формальные свойства можно сравнивать вне зависимости от составляющих элементов» [2, с. 252]. Задача состоит в том, продолжает Леви-Стросс, чтобы выявить уровни, имеющие стратегическое значение, то есть такие, которые могут быть моделями. Он определил, что структура должна соответствовать следующим условиям: это некая система, состоящая из таких элементов, когда изменение одного из них влечет изменение всех других; модели однотипны и образуют группу; все эти свойства позволяют прогнозировать реакцию модели на изменение одного из составляющих элементов; в модели должны быть охвачены все наблюдаемые явления [2, с. 252, 262].

Историография вопроса. Кочевой образ жизни в современном мире не привлекает к себе особого внимания российской науки, тем не менее, имеющиеся исследования свидетельствуют о том, что интерес к этой теме постепенно возрастает. В первую очередь необходимо отметить работы Н.Н. Крадина, в том числе написанные на материалах Забайкалья (агинские буряты) и Тувы. Он считает, что большая часть сделанных им выводов справедлива и в отношении других народов СССР, занимавшихся кочевым скотоводством: казахов, кыргызов, хакасов, калмыков, башкир и др. [3, с. 19]. Диссертация Ж. Жаргалсайхана, защищенная в России, посвящена сущности и особенностям монгольского кочевничества, в том числе современного [4]. В работах С.Г. Жамбаловой рассматриваются скотоводство и кочевой образ жизни в современном мире [5; 6].

Актуальность темы, как видно, обусловлена малой изученностью. На это указывает А.М. Хазанов, который в 2016 г. писал: «К сожалению, <...> интерес к мобильному скотоводству среди российских и центральноазиатских ученых в настоящее время весьма невелик <...> и в советское время интерес этнографов Москвы и Ленинграда к скотоводам Центральной Азии был весьма ограничен. За редким исключением, и цен-

тральноазиатские этнографы также не проявляют большого интереса к скотоводческой проблематике» [7, с. 6].

Факторы сохранения феномена и его структура. Главный, 1-й фактор существования номадизма — природно-климатический, породившая его среда обитания — степь, которую Л.Н. Гумилев охарактеризовал как «место, пригодное для жизни» [8, с. 262]. О том, что история цивилизации «тесно и причудливо сплетена с жизнью степных экосистем», пишет В.Г. Мордкович, отмечая, что благодаря ей люди решают проблему пищевых ресурсов [9, с. 19]. В Монголии есть таежные леса, горные лесостепи, степи, полупустыни и пустыни. Однако все зоны, за исключением таежной, можно в широком смысле слова отнести к степной. Лесостепь представлена горной степью, которая лежит между хребтами Хэнтэя, Хангая и Монгольского Алтая. Полупустыни, занимающие около 20 % территории страны, активно освоены кочевниками-скотоводами. В пустыне Гоби лишь небольшие участки покрыты песками, это не безжизненное пространство, а травянистая степь, пересекаемая холмами, лощинами и увалами [10].

Наука выявила 23 категории степей, они показывают все мировое разнообразие экосистем этого типа. Среди них высокогорная, горная, дерновинно-злаковая, пустошная, полупустынная, опустыненная, гобийская и т. д. [9, с. 10]. Действительно, номады Монголии используют всю территорию страны, включая тайгу, в которой сконцентрированы сакральные объекты. А.Д. Симуков в 1930-е гг. выделял две зоны степных пастбищ МНР. В первой степной, или Хангайской зоне шесть подзон: ковыльные или злаковые степи; нагорная степь; приречные долинные луга; обедненная степь; лесные увалы; поляны, опушки; альпийский пояс. Зона пустынных степей, или Гобийская, состоит из 12 подзон: травянистая полупустыня (пустынная степь); горные пастбища в Гоби; соляноковая полупустыня; крупнокустарниковая пустыня; *тойримы*; бугристые пески; закрепленные пески; барханные пески; саксаульники; поросли *тара*; *дэрисуны*; солончаковые луга или солончаки [11, с. 343–346].

Кочевой образ жизни складывается в степях в условиях аридного климата — сухого, при температуре воздуха с большими суточными и сезонными колебаниями от –40 до +40 °С и малом количестве осадков (до 200 мм/гд). В такой экологической нише рентабельным для человека является экстенсивное использование степи, основы номадизма, и сезонное кочевание позволяет правильно применять имеющиеся природно-хозяйственные ресурсы, исходя из ее особенностей. Степь обладает высокой скоростью биологического круговорота с интенсивным приростом растительной массы взамен отмирающей и поедаемой. Это фактор естественного отбора: периодическое съедание животными надземной массы травы привело к быстрому росту, компенсирующему потери фотосинтезирующих органов [12, с. 129–131].

Считается, что трава в степи наиболее интенсивно растет весной, в начале лета, в результате таяния снегов, и осенью, когда уменьшается испарение из почвы. Ее рост минимален в периоды засухи [12, с. 130]. Монгольская степь имеет свои особенности, обусловленные климатом. Здесь свой цикл, влияющий на растительность: малоснежная зима, сухая весна почти без увлажнения почвы тающим снегом; выпадение главной массы осадков в июле-августе; сухая осень с ранними заморозками. Поэтому ход вегетации монгольских пастбищ характеризуется слабым развитием растительности весной, ускоренным в течение лета, с наивысшей точкой в августе и ранним увяданием осенью [11, с. 343]. Такая особенность степи известна монгольским кочевникам. Зато малоснежные зимы, ветра, выдувающие снег, позволяют тебеневку лошадей и зимнюю пастьбу скота. А про лето буряты говорят, что в это время трава растет днем и ночью, и можно слышать, как это происходит.

Ученые считают, что степь не является результатом антропогенной деятельности. Ее создали травоядные животные, ведущие стадный кочевой образ жизни. Теперь, когда в природе их уже почти нет, роль человека в сохранении степи велика — она нуждается в постоянной правильной эксплуатации. Выявлено, что умеренный выпас скота и сенокосение приводят к процветанию степи.

При заповедном режиме, когда запрещается хозяйственная деятельность, в отсутствие стад кочующих животных происходит заметная деградация растительного покрова степи — на первом этапе она превращается в сообщество кустарников с одиночными деревьями. Это обусловлено тем, что отмирающая масса создает так называемый «степной войлок», который снижает испарение и водный режим верхних горизонтов почвы, не пропускает семена, которые «зависают» в его толще, угнетает развитие дерновинных злаков, способствует росту кустарников и деревьев [12, с. 75, 76].

Иллюстрацией данного природного феномена является состояние современной бурятской степи, отмеченное А.А. Панариным еще в 1994 г. [13, с. 100]. С тех пор процесс набирает обороты. В советское время на территории Бурятской АССР, Читинской и Иркутской областей выпасалось огромное количество скота, в том числе овец. Стада крупного рогатого скота (КРС) и отары овец были составной частью степной панорамы, но сегодня отар не видно, лишь изредка пасутся стада коров и табуны лошадей, которых в советское время как раз не наблюдалось — их запрещали держать на частном подворье. Появилась практика круглогодичного стойлового содержания небольшого количества овец — как у русских, так и у бурят. В результате невооруженным глазом можно наблюдать деградацию степи: она зарастает кустарниками, иногда там и тут появляются деревья. Заброшенные колхозные пашни активно зарастают деревьями. В Монголии подобной экологической катастрофы в таком объеме не наблюдается, потому что количество скота в постсоветское время здесь не уменьшилось.

Известно, что животные, помимо потребления значительной массы растений, предотвращающего образование «степного войлока», разбивают его копытами, позволяя семенам проникнуть в почву, втоптывают их в землю, что облегчает прорастание. Коэффициент усвоения пищи у растительноядных животных в степях составляет 30 %, и значительная часть семян возвращается в почву с фекалиями. Благодаря этому для степных почв характерен сложный мощный

комплекс редуцентов, благотворно влияющих на почву [12, с. 136, 137].

В то же время, перевыпас для степи также опасен. В.Г. Мордкович отмечает, что, во-первых, скусываемые скотом растения не успевают накопить резервные вещества, плохо размножаются и с трудом преодолевают конкурентное давление посторонних видов, всегда готовых вторгнуться в степь. Сильнее всего страдают ковыли и мягкое красочное разнотравье, дольше держатся типчаки и осоки. В это время прутняк и полкустарники разрастаются на освобожденных местах. Во-вторых, вследствие сбоя, уплотнения и чрезмерного унавоживания изменяются свойства степной почвы. Следы отары овец в 50 голов, «потоптавшихся денек на гектаре степи», равны следам 30 танков, плотным строем четыре раза проутюживших степь туда-сюда. Уплотнение степных почв приводит к их осолонцеванию с изменением растительного покрова, а переунавоживание имеет токсическое воздействие. Наиболее губительна для степи распашка [9, с. 147, 148]. Как видно, сохранение степной экосистемы возможно только при правильной, оптимальной эксплуатации ее человеком. Вероятно, таковым было традиционное природопользование кочевников. В 1930-х гг. в МНР проводился ряд научных изысканий для планирования социалистического хозяйства. Современные монгольские ученые исследуют, способна ли степь выдерживать техногенную нагрузку в связи с модернизацией страны. Они считают, что сравнительный анализ результатов современного мониторинга с научными данными предыдущих лет позволит проследить изменения, произошедшие в течение столетия, и определить ресурсы степи.

В результате воздействия антропогенных факторов площадь мировых степных экосистем постоянно сокращается. Объективно считается, что «Монголия — последний крупный массив природных травяных экосистем Земли, остатки степного биома, исчезнувшего на других континентах» [12, с. 194]. В этом заключается ее феноменальность. Это страна с относительно большим фондом слабо освоенных природных экосистем степей, здесь один из высоких показателей количества скота на душу населения

[12, с. 194]. А.Д. Симуков отмечал, что волнообразно-скачкообразная количественная динамика поголовья скота является следствием неустойчивости кормовой базы, зависящей от больших и малых засух. Большие засухи происходят 4–6 раз в столетие, а малые повторяются через 3–5 лет. В благополучные годы происходит рост, который резко срывается в серьезную засуху. Единственный способ борьбы с бескормицей — перекочевки в благополучные районы. В такие годы они носят беспорядочный характер. Количественный рост стада в Гоби лимитируют только засухи, другие бедствия стоят на втором плане [14, с. 69].

Начиная с советского времени монгольская степная экосистема находится под прессингом модернизационных процессов: частичная распашка, перевыпас, нарушение видового баланса скота в ту или иную сторону в зависимости от рынка сбыта, урбанизация, горнодобывающая промышленность и т. д. Одним из угрожающих обстоятельств, способствующих дигрессии степи, является деятельность горнодобывающей промышленности, активно развивающейся в посткоммунистический период. Рабочий процесс сопровождается вскрытием земли, нарушением ее ландшафтного покрова и т. д., сокращаются пастбища, нарушается экологическое равновесие. Об этом говорят экологи, нередко свои опасения высказывают в сми араты, большое внимание к проблеме привлекают журналисты.

Монголия богата природными запасами металлов. Здесь выявлены запасы угля и нефти, интенсивно развивается и привлекает внимание инвесторов добыча угля, меди и золота. Государство определило стратегические задачи национального развития до 2021 г., которые во многом опираются на эти природные богатства [15, с. 325, 327]. Из 416 месторождений 53-х видов полезных ископаемых основными являются Таван Толгой и Оюу Толгой, расположенные в Южногобийском аймаке. Инвесторы обязуются эксплуатировать шахты в соответствии с мировыми экологическими стандартами, природоохранными законами Монголии и т. д. Однако экологическая опасность высока. Разработка ископаемых может разрушительно воздействовать на природную среду, на ко-

чевой уклад и традиционный образ жизни монголов за счет вытеснения номадов с привычных пастбищ [16].

С XX в. во всем мире в степях наблюдается значительная концентрация промышленности, активно ведется добыча полезных ископаемых. В степях залегают крупнейшие месторождения угля, 1/3 которых находится близко к поверхности земли, поэтому добыча происходит открытым способом. Ученые отмечают, что в степи уголь добывают «дешевым, быстрым и варварским способом — снятием с помощью роторного или ковшового экскаваторов слоя земли вместе с ландшафтным покровом. <...> На месте угольных разрезов остаются глубокие провалы. <...> Отвалы <...> токсичны для растений и животных» [12, с. 198, 200]. Планируемая рекультивация степных пространств почти нереальна в полном объеме из-за дороговизны. Восстановление (засыпка плодородным грунтом и засеивание травой) растительного покрова 1 кв. км нарушенных земель в США обходится в сумму около 3 млн. дол. Рекультивированные ландшафты напоминают луга. В случае естественного самозарастания первые дерновины ковыля появляются через 25–30 лет, типичная степная почва формируется более 100 лет [12, с. 200].

Существует мировая проблема борьбы номадов Центральной Азии за сохранение степи, за права на ведение традиционного уклада в пределах исконных земель. Нередки случаи общественного сопротивления скотоводов Внутренней Монголии (Китай) государственной политике, направленной на развитие земледелия в исконно скотоводческих районах монголов. 10 апреля 2017 г. более 300 чел. собрались на своих пастбищах, чтобы оградить землю от вспашки, заблокировав бульдозеры и тракторы. Несмотря на «уговоры» и пропаганду властей, предупреждение о принятии суровых мер, скотоводы полны решимости защищать свои исконные пастбища и традиционный образ жизни [17].

В то же время, неправильная эксплуатация степной экосистемы самими скотоводами также приводит к ее дигрессии. В 1970–80-х гг. советские ученые исследовали ископаемую пыльцу пастбищных растений Монголии и выявили, что первые признаки разру-

шения пастбищ при неумеренном выпасе наметились сравнительно поздно, в XIII–XIV вв. Этот уровень состояния степи сохранялся до начала XX в. Дигрессия пастбищ стала развиваться после 1950 г., когда социалистическое государство МНР стало устраивать дополнительные колодцы с механизированной подачей воды для скота. Это сразу сказалось на состоянии пастбищ — увеличился размер выпасаемых стад, возросла нагрузка на растительность. Также увеличилась доля непоедаемых видов и сорняков, снизилась продуктивность растительности и пр. Трансформация растительного покрова отдельных участков в 1990-е гг. достигла критического уровня и требует вмешательства мировой природоохранной общественности. В то же время известно, что степные пастбища восстанавливаются даже при полном разрушении от выпаса, распашки, эрозии в результате экологической реставрации травяных экосистем: подготовка почв, посевы степных трав, изоляция возобновляющейся растительности. Система степного экстенсивного пастбищного хозяйства оказывается устойчивой и может поддерживать сравнительно высокий уровень биологического разнообразия степных экосистем [12, с. 194, 197].

Как видно, несмотря на критическую экологическую ситуацию, степная экосистема Монголии способна предоставлять возможности для ведения кочевого экстенсивного скотоводства.

2-й фактор — демографический. Реализация кочевого образа жизни базируется на малой плотности населения. Она должна быть мизерной и у кочевых народов обычно колеблется от 0,5 до 2 чел. на 1 кв. км. В Монгольском государстве, согласно данным национальной статистики (и данным ООН), в 2010 г. население составляло 3,1 млн чел. Плотность населения — 1,8 чел. на 1 кв. км. В современном мире Монголия — одна из малонаселенных стран, на обширных степных пространствах которой до настоящего времени развивается без сильного ущерба экосистеме экстенсивное кочевое скотоводство. Монголию с некоторой натяжкой можно назвать моноэтническим государством. По крайней мере, здесь с давних пор проживают монголы и небольшое количество тюрков, относящихся к одному хозяйственно-

культурному типу кочевников-скотоводов аридной зоны Евразии. Их экономическая деятельность проходит в одном русле с некоторыми непринципиальными для данной темы различиями.

3-й фактор — экономический. Кочевой образ жизни сохраняется в советское и постсоветское время в немалой степени благодаря государственному планированию, которое не увеличивает многократно площади пахенного земледелия, которое диаметрально противоположно и несовместимо с кочевым экстенсивным скотоводством. Негативное воздействие распашки на степь уже упоминалось. Также важно отсутствие больших пахен с зерновыми культурами, которые препятствуют свободному передвижению стад из-за возможной потравы. Специалистами отмечено, что в Забайкалье веками гармонично живут русские и буряты, благодаря тому, что скотоводы поселялись в степных пространствах, а русские земледельцы — в долинах рек [18, с. 162]. Однако при этом забывается о том, что нарисованная благоприятная картина — результат развития пахенного земледелия в данном степном регионе, которое привело к колоссальным социально-экономическим трансформациям. Переход на полукочевой образ жизни, а затем седентизация кочевых народов страны в основном были обусловлены невозможностью сосуществования пахенного земледелия, которое Российская империя, а затем СССР активно развивали в Сибири и Казахстане, и экстенсивного кочевого скотоводства. В государственных архивах хранится много дел о потраве бурятским скотом пахен русского населения и возникавших на этой почве конфликтах [19, с. 68, 155, 156]. В Монголии пахенное земледелие развивается в минимальной степени. Правда, в последние годы, как сообщают СМИ, земледельцы из Китая нередко распахивают земли для выращивания технических культур, например рапса, что вызывает обеспокоенность населения Монголии.

4-й фактор — зоологический. Кочевое экстенсивное скотоводство базируется на сбалансированном стаде домашнего скота. Стадо состоит из пяти видов скота (лошадь, верблюд, КРС, овцы и козы) местных пород, образно называемых «табан хошуун мал».

Они способны вести кочевой образ жизни с умеренным использованием источников пищи и воды, не приводящем к полному уничтожению кормовой базы. Каждый вид выполняет свои функции, а все вместе, дополняя друг друга, удовлетворяют нужды жизнеобеспечения человека (транспорт, сырье для жилья и одежды, пища и т. д.). Сложившиеся местные породы скота способны выживать при минимальном обиходе — они адаптированы к круглогодичному круглосуточному содержанию в степи, под открытым небом, способны к длинным переходам. Возможность содержания довольно больших стад способствует сохранению видов скота при крупных природных катаклизмах (*ган, зуд*), вызывающих массовый падеж поголовья. Видовая сбалансированность скота кочевников-скотоводов сухих степей Евразии — одна из важных составляющих структуры экстенсивного скотоводства, основы кочевого образа жизни.

Каждый вид вносит определенный вклад и в сохранение степи, и в жизнеобеспечение человека. Сбалансированность стада кочевников подразумевает наличие таких видов скота, которые могут не только дополнять друг друга как хозяйственные объекты, но и взаимно способствовать коллективному выживанию в условиях стихийных бедствий, засухи и образовавшегося крепкого снежного наста. Считается, что в тяжелые зимы, когда пастбища покрываются непреодолимым для крупного и мелкого рогатого скота снежным настом, табуны лошадей могут разбить его. На таком пастбище сперва кормятся лошади, затем КРС, а за ними мелкий рогатый скот. Это довольно распространенное представление вызвало сомнение у русского колхозного чабана со стажем работы в профессии более 40 лет. Во время полевой работы в 2016 г. в старообрядческом с. Никольск Мухоршибирского района Бурятии записано, что в богатом колхозе-миллионере пытались для выпаса тонкорунных овец пробивать снежный наст тракторами. Ожидаемого результата не получили — развороченный снег тут же снова схватывался, и добыча корма оставалась невозможной. С опытом разбивания наста лошадьми ему не приходилось встречаться.

Известно, что стадный образ жизни диких степных животных облегчает добычу корма внутри одного вида: стадо идет колонной, впереди сильные самцы, разбивающие крепкими копытами снежный наст. Из копанок молодые члены стада легко достают травяную ветошь. Стадность в сочетании с кочевым образом жизни обеспечивает сохранность степного травостоя. Собранные в плотные стада копытные не объедают и не топчут всю территорию сразу, а последовательно перемещаются от участка к участку. Пока они кормятся на одном участке, другой успеваает покрыться молодой травой [12, с. 90, 91]. Правда, есть другое мнение, записанное со слов профессора С.Б. Помишина: тонкорунные овцы пасутся в стаде кучкообразно и стригут всю траву. Овцы бурятской породы разбиваются на группы и широко разбредаются, часто и быстро перемещаясь последовательно с полынных участков к разнотравью, к зарослям кустарников и солончакам. Считается, что, меняя ландшафтное разнообразие пастбищ, они обогащают пищевую рацион, а также не стравливают пастбища [18, с. 163, 164].

Достоверными представляются приведенные ниже материалы А.Д. Симуква, документально свидетельствующие о возможности освоения всего кормящего ландшафта Монголии путем правильного соотношения видов скота в стаде. В 1931 г. он выявил количественное соотношение пяти видов скота в стаде различных районов МНР. Изредка в некоторых лесостепных районах отсутствовали верблюды. КРС является показателем лесостепной зоны. Верблюды полярны им, они связаны с пустыней, где зафиксирован их высокий процент в стаде. Овцы есть везде, во всех зонах, но более характерны для степной зоны, опоясывающей всю страну; в лесостепной зоне их удельный вес заметно падает. Для их выпаса хороши сухие холмистые степи с мелким, но питательным кормом и наличием солончаков, необходимых овце под осень. Козы приспособлены ко всем зонам, но в силу своей выносливости их удельный вес высок в Гоби, где они нередко заменяют овец. В Монголии коза не заменяет корову. Минимальный процент мелкого рогатого скота падает на лесостепные районы с преобладанием леса, их высокий процент в

полупустыне, пустыне обеспечивается в основном за счет коз. В степных районах преобладают овцы. Симуков отмечает незначительную рентабельность лошадей в аратском хозяйстве, их приспособленность к стихийным условиям, но для него осталось неясным, от чего зависит их количество в общем стаде хозяйства. Выявлено, что на 100 голов общего стада количество лошадей в 1920-е гг. не выходило за пределы 5–10. Сарлыков, которых относят к КРС, разводят в высокогорных местностях, и в ряде небольших районов они являются единственным видом скота [20].

Как видно, классические пять видов скота, их сбалансированный удельный вес в зависимости от географической зоны позволили кочевникам-скотоводам хозяйственно освоить всю территорию страны. Монголы до настоящего времени сохранили все виды скота и их местные породы.

5-й фактор — технологический. Кочевой образ жизни базируется на выработанной системе перекочевков. Дисперсный тип расселения номадов, поселявшихся на довольно большом расстоянии друг от друга, обусловлен основным экосистемным принципом номадизма — соответствием численности скота природным кормовым ресурсам. Они осваиваются в результате упорядоченных циклических перекочевков по зимним, весенним, летним и осенним пастбищам в целях круглогодичного обеспечения животных подножным кормом. По мере появления кормовых ресурсов они возвращаются на восстановленные пастбища. Как уже отмечалось вскользь, в годы бескормицы перекочевки становятся хаотичными. В то же время, кочевой тип хозяйства не мог быть беспредельно экстенсивным — он ограничен в передвижениях и различного рода перекочевках и базируется на разумном использовании продуктивных качеств различных видов скота.

6-й фактор — экологический. А.С. Сейдимбек пишет: «Кочевой образ жизни не противостоял природной среде, а, напротив, являлся частью ее. Жизненный ритм, сложившийся в течение тысячелетий и созвучный циклам биосферы, породил соответствующий культурно-природный симбиоз. <...> А первым и главнейшим признаком кочевого

образа жизни является безоговорочное подчинение законам экосистемы, которая при органическом союзе с человеком дает возможность добиться благосостояния» [21]. В основу эксплуатации кормящего ландшафта кочевниками-скотоводами положены традиционные экологические принципы рационального природопользования. Знание природно-климатических особенностей своей ойкумены, бережное отношение к экологической нише проживания являются необходимыми факторами длительного существования номадизма.

7-й фактор — духовный, опирающийся на менталитет монголов. Для него характерна совокупность умственных, эмоциональных, культурных особенностей, ценностных ориентаций и установок этноса, направленных на сохранение кочевого образа жизни. Это предмет их гордости. Ценностная ориентация, направленная в народе на сохранение кочевого образа жизни в глобализирующемся мире, становится официальной, государственной в посткоммунистический период. Она легла в основу национальной идеи страны, наполняющей смыслом существование нации и направленной на возрождение страны на новом уровне. Ее питает мечта об идеальном образе государства, добывающегося поставленных мирных политических и социально-экономических целей, далеких от завоевательной доктрины средневековья. Всплеск культурной памяти, вероятно, обусловлен годами забвения, когда поколения вырастали вне исторической и культурной памяти.

Одно из выражений духовного фактора — традиционализм. Все приведенные другие шесть объективных факторов были бы невостребованны без одного из основных условий живучести кочевого образа жизни — традиционализма, выраженного в желании народа сохранять традиции и следовать им в своей повседневной жизни. Традиционализм здесь понимается не в его философском понимании, а как жизненная философия или мировоззрение, согласно которому, традиция — это сложившаяся веками правильная модель бытия. Традиционализм здесь — это идеализация и абсолютизация традиции, которая имеет практическое значение и сочетается с высокоразвитой эко-

гической культурой, направленной на бережное отношение человека к окружающей среде. Для понимания понятия «традиционализм» здесь подходят выявленные В.А. Ачкасовым представления о традиции как наследии прошлого, воспроизводимого в историческом сознании и способствующего укреплению идентичности общества, его стабильности, культурного своеобразия. Как отмечает исследователь, в идеальной форме традиционализм — «автоматическое, нереплексивное, подсознательное следование традиции, признаваемой естественной, само собой разумеющейся, а потому всеобщей и универсальной» [22]. Ценной представляется приведенная В.А. Ачкасовым теория Р. Редфилда о большой традиции рефлексивного меньшинства («традиция университетов и храмов») и малой традиции большинства, не склонного к рефлексии («традиция деревенской общины») [22]. Для Монгольского государства характерны обе традиции. Кочевой образ жизни сохраняется араатами как привычный, он идеализируется властями и представителями творческой интеллигенции, которые возвели его до уровня национальной идеи страны.

Обсуждение. Длительной консервации кочевого образа жизни, базирующегося на кочевом экстенсивном скотоводстве, в Монгольском государстве способствует сохранение всех вышеуказанных природно-климатических и социально-экономических факторов. В представленной структуре базовыми являются пастбища (степь) и домашний скот, адаптированный к природно-климатическим условиям страны. Е.И. Кычанов писал, что отечественная наука, отказавшись от бесплодных споров о том, что важнее в кочевом хозяйстве, скот или пастбища, пришла к тому, что оба одинаково важны, потому что выпас скота с нерегулируемым землепользованием был бы невозможен [23, с. 284–286]. Действительно, пастбища являются средством производства, поэтому пять факторов — природно-климатический, демографический, экономический, технологический, экологический — имеют непосредственное отношение к пастбищу и обеспечивают его сохранение как основного средства производства.

В современном Монгольском государстве степь пребывает почти в первозданном состоянии благодаря малой степени урбанизации. Несмотря на то, что в Монголии с населением 3,1 млн чел. (2016 г.) числится 29 городов, только один из них, Улан-Батор (1,4 млн чел.), преодолел планку в 1 млн жителей. По данным 2010 г., в десяти городах проживает от 20 до 38 тыс. чел., в 12-ти — от 10 до 20 тыс. чел., в остальных шести — от 6 до 8 тыс. чел. По данным статистики, половина населения Монголии — горожане, другая половина — сельчане. Однако уверенно можно считать, что большая часть проживающих в мелких городах также ведет традиционный образ жизни (это объективная картина, характерная для многих стран). По полевым материалам выявлено, что часть горожан содержит скот в аймаках у родственников, другие стали фермерами, хозяйство которых находится в пригородах Улан-Батора. Сами они по большей части проживают в городе, ежедневно выезжая на ферму. Скот содержится традиционным кочевым способом. При обработке продуктов скотоводства, особенно молочных, поставляемых в столицу, используются современные технологии. Современные достижения техники и передовые технологии, которые используют кочевники-скотоводы, не нарушают баланс в кочевом образе жизни, его фундаментальную основу. При перекочевках перевозка домашнего скота на машинах существенно не влияет на саму идею кочевого образа жизни, не разрушает ее структуры. Наличие в юрте телевизора, использование гаджетов не меняет сути кочевого образа жизни.

В постсоветское время основная часть населения Монголии нашла выход из кризиса после разрушения коллективного хозяйства (госхозы) в возрождении и развитии экстенсивного скотоводства. Выживание состоялось благодаря кочевизации населения и появлению так называемых «новых кочевников». Н.Н. Крадин считает такой тип хозяйства жизнеспособным в современных условиях и считает возможным использовать этот опыт в России [3, с. 20]. Ж. Жаргалсайхан уверенно утверждает: «В <...> XXI в. все еще существует кочевничество. Это уникальное явление, творение природы и во-

площение особенностей монгольского общества оказывается удивительно устойчивым в степи <...> проявляет свою прочность и способность существования и все же остается почти в неизменном виде, <...> определяется не только социальными факторами, но и в значительной мере природно-климатическими условиями» [4]. Эта жизнеспособность, отмечает далее автор, обусловлена экономической эффективностью и продуктивностью, когда кочевничество и в новых условиях рыночной экономики и свободной конкуренции в значительной мере обеспечивает страну продовольствием и сырьем [4].

А.В. Подойницын считает, что основным отличием современного кочевнического хозяйства является его экстенсивность, потому что домашний скот можно содержать и оседло, интенсивным способом. Главный водораздел между экстенсивным и интенсивным способами ведения хозяйства видится в том, что первый способ подразумевает использование естественных ресурсов практически в неизменном природном виде. Интенсивный способ предполагает систематическое и целенаправленное изменение качеств имеющихся природных ресурсов [24].

В современной Монголии с 1920-х гг. проживают буряты-мигранты, отличительной чертой скотоводческого хозяйства которых с самого заселения на данной территории является наличие сенокосения. Это первый шаг к полукочевому образу жизни — заготовленное впрок сено является основой стойлового содержания скота в зимнее время. Такой тип ведения скотоводческого хозяйства предоставляет возможность проживания в стационарных жилищах, в рубленых деревянных домах. Этот, также довольно архаичный тип ведения скотоводческого хозяйства сохраняется у бурят Монголии до настоящего времени как региональный компонент общей хозяйственно-культурной картины страны.

Заключение

Как видно, кочевой образ жизни, базирующийся на кочевом экстенсивном скотоводстве, сохраняет традиционную структуру во 2-м десятилетии XXI в., в современном глобальном мире. Этому способствует нали-

чие семи факторов, а именно: природно-климатического, демографического, экономического, зоологического, технологического, экологического, духовного. Их перечень доказывает наличие сложной модели, где главными факторами являются степная экосистема (пастбища), пять видов домашнего скота, адаптированных к суровым природно-климатическим условиям, и человек с его идеализацией традиционного образа жизни. Выпадение каждого из них может привести к исчезновению нomaдизма в последнем его обиталище — Монголии. Представленная модель позволяет идентифицировать современный кочевой образ жизни в Монголии как классический, сохранивший основную структуру и признаки. Перед нами предстает структура как определенная система, модель, обладающая механизмами сохранения его основных свойств при различных эндогенных и экзогенных изменениях, в том числе в глобальном мире.

Литература

1. Тойнби А.Дж. Исследование истории: Возникновение, рост и распад цивилизаций. М.: АСТ; МОСКВА, 2009. 670 с.
2. Леви-Стросс К. Структурная антропология. М.: Изд-во Вост. лит., 1985. 536 с.
3. Крадин Н.Н. Процессы трансформации скотоводческого хозяйства в Туве и Забайкалье на рубеже XX - XXI вв. // Этнографическое обозрение. 2016. № 2. С. 8–27.
4. Жамбалдорж Жаргалсайхан Ж. Монгольское кочевничество: сущность, особенности [Электронный ресурс]: автореф. дис. ... канд. фил. наук. Иркутск, 2013 // disstrCat – электронная библиотека диссертаций: URL: <http://www.dissercat.com/content/mongolskoe-kochevnichestvo-sushchnost-osobennosti>. (дата обращения: 01.05.2017).
5. Жамбалова С.Г. Соотношение общепурятских черт и локальных особенностей в скотоводстве ольхонских бурят // Этнологические исследования: сб. ст. Улан-Удэ, 2000. С. 110–131.
6. Жамбалова С.Г. Кочевой образ жизни в современном мире: проблемы традиционализма и модернизации // Учен. зап. Заб. гос. ун-та. 2012. № 2. С. 142–149.
7. Хазанов А.М. От составителя // Этнографическое обозрение. 2016. № 2. С. 5–7.
8. Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М.: «Клышников – Комаров и К», 1993. 524 с.

9. Мордкович В.Г. Степные экосистемы. Новосибирск: Гео, 2014. 170 с.

10. Монголия. Рельеф, географические зоны [Электронный ресурс] // Legendtour: сайт. URL: https://legendtour.ru/rus/mongolia/informations/geographical_features.shtml (дата обращения: 21.04.2017).

11. Симуков А.Д. Пастбища Монгольской Народной Республики // Труды о Монголии и для Монголии. Осака: Гос. музей этнологии, 2007. Т. 2. С. 341–357.

12. Мордкович И.Г., Гиляров А.М., Тишков А.А., Баландин С.А. Судьба степей. Новосибирск: Мангазея, 1997. 208 с.

13. Панарин А.А. Тунка на перепутье // Материалы II науч. конф. «Человек и природа. Проблемы социоестественной истории». М., 1994. С. 92-105.

14. Симуков А.Д. Итоги работы Географического отделения Научно-исследовательского комитета МНР за 15 лет // Mongolica-III: сб.ст. СПб., 1994. С. 64-71.

15. Бадарч Б. Новые просторы экономического развития Монголии и их связи с сибирским потенциалом // Сибирь в изменяющемся мире. История и современность: материалы всерос. науч.-теоретической конф. Иркутск, 2010. С. 322-327.

16. Базаров В.Б. Месторождения полезных ископаемых Монголии: выгоды и угрозы // Власть. 2011. № 8. С. 81-83.

17. Сосорбарам М. Китайские полицейские арестовали скотоводов Внутренней Монголии [Электронный ресурс] // ARD: информ. портал: URL: <http://asiarussia.ru/news/15938/> (дата обращения: 22.04.2017).

18. Намзалов Б.Б., Доржиев Ц.З. О некоторых экологических аспектах традиционного природопользования этносами Южной Сибири // Проблемы традиционной культуры народов Байкальского региона: материалы Междунар. науч.-практической конф. Улан-Удэ, 1999. С. 161-164.

19. Жамбалова С.Г. Профанный и сакральный миры ольхонских бурят. Новосибирск: Наука, 2000. 400 с.

20. Симуков А.Д. Скотоводство МНР в связи с географическими ландшафтами страны // Труды о Монголии и для Монголии. Осака, 2007. Т. 2. С. 379-397.

21. Сейдимбек А.С. Мир казахов [Электронный ресурс] // El.KZ: сайт URL: <http://old.el.kz/m/articles/view/Обозрение-IV> (дата обращения: 19.03.2017).

22. Ачкасов В.А. Трансформация традиций и политическая модернизация: феномен российского традиционализма [Электронный ресурс] // Философия и социально-политические ценности консерватизма в общественном сознании России (от истоков к современности): сб. ст. СПб., 2004. Вып. 1. С.173-191. URL: <http://anthropology.ru/text/achkasov-va/transformaciya-tradicij-i-politicheskaya-modernizaciya-fenomen-rossijskogo> (дата обращения: 03.05.2017).

23. Кычанов Е.И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М.: Восточная литература, 1997. 319 с.

24. Подойницын А.В. О кочевом феодализме, кочевых городах и кочевниках. [Электронный ресурс] // Nhistory.narod: сайт. URL: <http://nhistory.narod.ru/html/kochev.html> (дата обращения: 21.03.2017).